

По воде шли круги, моё лицо стало неразборчивым и шло волнами. В озере барахтались мои старые «курортные» друзья, веселились вовсю, обливали друг друга и звали меня в воду.

– Даня! Двигай к нам! – кричала Катя, отбиваясь от водных атак Кости и Вани.

Вода была тёплая и чистая, но я тут на всё лето и это не последний шанс искупаться. Местные любили это место, хоть оно и непригодно для купания, даже знаки стояли, но кого волнует?

Солнце палило изо всех сил и сильно припекало мне плечи. Мы отправились сюда на велосипеде, пара километров за город по просёлочной дороге – и вот, одно из немногочисленных «туристических» мест здесь. Если бы не среда, тут было бы много народу, и плевать, что ехать сюда по ухабам и разбитой дороге – впереди тебя ждёт тёплая, а самое главное – чистая вода.

Удивительно, но люди ухаживали за водоёмом, никакого мусора тут не было, повсюду стояли импровизированные баки для мусора, сделанные из бочек. На берегу сидела пара рыбаков, они что-то бурно обсуждали, жестикулируя, иногда посматривая в нашу сторону. Катя раз даже помахала им, рассмеявшись, ей помахали в ответ. Всегда горжусь тем, что знаю такого открытого человека.

Этим летом меня никто здесь не ждал. Я всеми способами увиливал от ответа на вопрос:

«Приедешь летом?». Хотелось сделать сюрприз для «курортных» приятелей. Поездка сюда как поездка в лагерь, ведь мы все из разных городов. Не очень хотелось ехать куда-то в этом году. Да, я хотел пропекаться, как пирог, в своей панельной многоэтажке и наслаждаться плюсами городской жизни, но всё неожиданно пошло не так. Мне в голову ударила тоска, а потом пришло понимание, что дома меня не ждёт счастливый отдых, он ждёт меня там, за сотню километров от родных пенатов. И вот я здесь, у воды. Снова.

Вопреки всем стереотипам про каникулы у бабушки я всегда проводил их у своей тёти. Имея небольшую двухкомнатную квартиру в ипотеку, изящное имя Виолетта и сорокалетний жизненный стаж, она всегда рада принять меня у себя дома и поэксплуатировать детский труд в своём саду. В последнем никто из нас не видит ничего плохого, у нас отличные отношения и схожие вкусы. Она сейчас бы не отказалась освежиться в озере, но сверхурочная работа требует жертв ради большего дохода.

«Курортная» тройца наслаждалась водными процедурами, а я всё ещё стоял у воды.

Почему «курортная»?

Это мы придумали пару лет назад, когда кто-то из нас сравнил отдых в провинции со своеобразным курортом, а потом я пошутил про курортные романы. Определение «курортные»

теперь используется в любой подходящий момент. Да, звучит нелепо, но для нас оно имеет особый смысл.

По правде говоря, мы никогда особо не были увлечены общением друг с другом вне каникул. Просто потому, что нам хватало впечатлений от лета и с сентября начинался ад, круги которого с каждым годом становились всё сложнее и сложнее.

Да, мы писали друг другу какое-то время после отъезда, но потом диалог медленно обрывался. Он тонул под слоем более близких друзей и более важных дел...

Но летом всё было иначе. Летом наружу прорывалось желание всегда быть вместе и не упустить ни одного шанса пережить невероятные моменты рядом друг с другом.

В каждом участнике любой компании есть что-то особенное, и мы не стали исключением.

Сначала о лидере – безусловно, это Костя. Невысокий рост парня не помешал ему быть нашим «ведущим», да и его любовь к футболу (то бишь к спорту) сделала из него довольно сильного игрока и стратега. Этот парень постоянно что-то прокручивал в голове, всё время хотел движения и всё время, как воронка, затягивал нас в этот «бесконечный движ».

Ваня – немного стеснительный и робкий элемент, но, несмотря на всё это, всегда с пеной у рта отстаивает важность «наличия при себе еды с водой, заряженных телефонов и пауэрбанка (портативный аккумулятор)». С ним точно не пропадёшь в какой-нибудь глуши. В рюкзаке, который он постоянно с собой таскает, есть практически всё. Среди нас ходит легенда про то, что там находится чёрная дыра, при неосторожном обращении с которой можно отправить туда всю планету.

Что бы мы ни сочиняли, строгая и иногда жёсткая Катерина Романовна обязательно упрекает нас в незрелости и одарит неприятным взглядом, перед которым не устоит никто из нас. Отвергая все условности, она всегда зрит в корень, отсекает всё лишнее, вообще она «мозг» нашей шайки. Здорово сочетает в себе и озорство, и уже названную открытость миру, и собранность, когда нужно, и, конечно, девичью романтику с обаянием. Как она такой получалась, никто не знает, но все её такую любят и уважают.

Если вам хочется узнать что-то обо мне, то я являюсь в каком-то роде третьей стороной

иногда происходящих конфликтов. Я тот человек, который остановит жаркий спор, выслушает обе стороны и поможет прийти к общему решению или докажет, чьё мнение более верное. Моё спокойствие сложно нарушить, и объективность непоколебима, поэтому я либо прекращаю ссору в зародыше, либо потом «разгребаю» всё, что было сгоряча сказано и сделано... Хорошо, что они ко мне прислушиваются, иначе «курортные» давно бы разошлись по домам и сидели в четырёх стенах, словно никуда и не выезжали.

Поддавшись на уговоры, я забрался в воду. Только привыкнув к ней через пару минут, я начал получать удовольствие. Катя веселилась и окатывала меня водой, я отвечал ей тем же. Костя и Ваня отправились в заплыв под визг и хохот подруги. Оставлять девушку одну в воде мне не хотелось, поэтому я остался рядом с ней.

– Эй! – окрикнула парней Катя, когда заметила их «свободное плавание». – Не уплывайте далеко!

– Хорошо! – синхронно крикнули в ответ пловцы.

Если бы они начали говорить что-то против, был риск, что она попытается их утопить. Если вы думаете, что хрупкая девушка на это не способна, то вы ошибаетесь. В гневе люди способны на многое.

Минуты спокойного нахождения в воде навалили мысли о прекрасном лете. Таким оно было в прошлом, таким оно может быть и сейчас. Прогноз погоды на ближайшие дни говорил, что начало сезона будет превосходное: до тридцати градусов. Несколько дней безоблачной погоды, обгоревшая кожа и беготня от тени к тени – это ли не настоящее лето?

С каждым месяцем будет добавляться всё больше преимуществ в виде зреющих ягод, овощей и фруктов, которые мы когда-то таскали из чужих садов. Всё потому, что набеги на свои огороды не были такими азартными. Но пару лет назад разряд соли, пролетевший мимо Костяна, заставил нас отказаться от такого экстрима.

Когда парни вернулись, мы вышли из воды и, обтираясь принесёнными полотенцами, стали обсуждать, что будем делать дальше.

– Может, на завод пойдём? – спросила Катя. – Мы туда с прошлого года не ходили.

– Там алкаша зимой нашли. Может, не надо? – Ваня, как всегда, осторожничал.

– Ну и мы кого-нибудь найдём! – ответил Костя, потом засмеялся и хлопнул Ваню по плечу. – Не бойсь, ходячих мертвецов мы не встретим.

– Фу-у-у! – отреагировала Катя.

Она не любила подобных тем. А вот Костя планировал стать военно-полевым хирургом, и его всё устраивало.

– Можно пойти, – я решил поддержать друга, – всё равно делать нечего...

Ваня промолчал, потому что по идее ему было без разницы, куда мы пойдём, самое главное для него – ресурсное обеспечение наших походов.

Немного обсохнув и понежившись на солнце, мы сели на велосипеды и двинулись к городу.

Город был весьма небольшим, население потихоньку уезжало. Молодёжь тут не оставалась, но мы точно не одни наведывались сюда на каникулы. Единственное, на чём держался город, – ламповый завод. Почти вся семья Вани работает на этом заводе, но он сам туда не собирается, потому что владельцы завода совсем не хотят модернизировать производство. Логично, что без модернизации прибыль постепенно падает и в город приходит всё меньше денег.

Что до архитектуры, то она полностью соответствует постсоветскому пространству: большинство жилых домов – это многоэтажки, которыми уже почти полтинник, по окраинам города россыпи небольших улиц и частных домов. Есть парочка садовых хозяйств, в которых почти у каждого жителя свой участок.

Мы собирались не на градообразующее предприятие, а на старый (захваченный и разворованный в девяностые) литейный завод. Его большие цеха давно захламлены, там кого только не было в последние лет двадцать, но жизнь уходит из города и криминал за ней. Сейчас там не опасно, только следы прошлого остались повсюду (по словам тех, кто там был). Мы не совались туда, когда были помладше, боялись, да и «детям там делать нечего»... Сегодня в нас бурлит жизнь (вместе с гормонами) и ничто не мешает изучить всё самим.

Главная улица проходила через весь город, мы пробирались по проезжей части, стараясь ехать аккуратно, даже Костя не пытался что-то вычудить, это было опасно. Время от времени возвращались на пешеходную часть, если дорога оказывалась сильно загроужена.

Асфальт был горячий, и Катя мечтала:

– Вот бы сейчас голыми ногами прям по дороге...

– Да ну, грязно же! – отмахнулся Ваня.

– Ничего ты не понимаешь!.. – я решил поддержать подругу. – Это и правда шикарно.

Девушка замедлила движение и скоро совсем остановилась. Стадный инстинкт сработал, и мы повторили за ней.

Костя недоумевал:

– Чё стоим?

Катя сняла с себя обувь и пошла по плиточному тротуару, я понял, что она не удержалась, и... тоже сняв обувь, пошёл по краю дороги, ведя за собой «железного коня».

– И долго вы так собираетесь тащиться? – лидер был недоволен.

– Костя! – окликнула его Катя. – Если не хочешь «тащиться», давай вперёд, мы догоним, – а потом азартно добавила: – Или перегоним?..

– Спор? – Костю заинтересовали.

– Нафиг споры! – отрезал я. – Успокойтесь и езжайте вперёд, мы догоним!

Костя кинул на меня недовольный взгляд, а потом сорвался с места.

– Меня подожди, блин! – крикнул ему вслед Ваня и отправился догонять друга.

«И правда, почему никто так не делает? – подумал я, идя по краю асфальта и представляя, что это горячий песок. – Это же так круто...»

Сначала асфальт обжигал, но я достаточно быстро к этому привык. Мне было всё равно на пыль, всё равно на недоумение некоторых (наверняка несчастных от жары) прохожих. Катя впереди что-то рассказывала про то, как она не хочет учиться, как её задолбали все эти бесконечные контрольные и подготовка к экзаменам, но я почти не слушал её. Меня больше волновало то, почему люди так плохо относятся к внешнему виду своего города и застекляют балконы, как им хочется, а не Катины жалобы на систему образования.

Я учусь дома, это называют семейным образованием. Учёба проходит без попыток упаковать в мою голову кучу ненужной информации. У меня свой график с направлением и только одна цель – сдать все предметы в конце четверти. Если я что-то не сдам, всё будет только на моей совести, а это очень сильно влияет на чувство ответственности. Спасибо родителям. И ещё двум старшим братьям, которые учились так же.

Ходьба по асфальту голыми ступнями нам быстро надоела.

– Ноги теперь грязные, блин! – Катя уже не так радовалась.

– И салфеток влажных нет, – я тоже загрустил.

– У Вани были... – подруга задумалась. – Давай позвоним?

И мы позвонили. Парень был не в восторге от нашей внезапной мании чистоты, но вернулся.

Нам понадобилась вся небольшая пачка влажных салфеток, чтобы привести наши ноги в более-менее нормальный вид, а потом натянуть на них обувь. После забот о чистоте мы поехали на завод.

– Я уже полдороги проехал, а вы... – бурчал Ваня, обгоняя нас двоих, чтобы ехать впереди.

– Ну что поделаться... – я машинально пожал плечами.

– Спасибо, Вань, – поблагодарила Катя.

– Да ладно...

– Нет, правда, спасибо, – упиралась девушка. – Ты нас спас.

– Что б вы делали без меня? – усмехнулся Ваня.

Я засмеялся:

– Я бы так надел!

Катя поддержала меня своим смехом:

– Я тоже! Но у нас же есть ты!

– Без тебя никак! – теперь поддерживал её я.

Мне всегда приятно подбадривать людей, особенно таких, как Ваня, которые прямо расцветают от этого. «Людам важно быть ценными для кого-то, – мне однажды сказала тётя, – хвали кого-нибудь, если он этого заслуживает».

К литейному заводу нужно было ехать довольно долго, через не самые благополучные районы из старых одноэтажных бараков и разбитых дорог, которые когда-то были асфальтом. По этим дорогам иногда проносятся «шедевры отечественного автопрома», да ещё и на такой скорости, словно это гоночный болид, а не машина-ровесница моей бабушки. Кадры редкие, но устрашающие.

Я люблю эти места за деревья, они тут повсюду. Под каждым можно укрыться от палящего солнца, и никаких пальм не надо (но я бы не отказался).

Тихий шелест крон и шум жизни поднимал настроение, а мерная болтовня Кати и Вани о том, где бы восстановить запас салфеток, умиротворяла. Эти районы не похожи на городские, единственное, что нам грозит посреди бела дня, – проколотые стёклами шины. Такое раз

уже было. То, как долго десятилетняя Катя ревели из-за этого, научило нас смотреть не только вперёд, но и под колеса.

Повсюду была обычная жизнь, не городская суматоха.

Здесь люди не ограничивали себя стенами старых домов, они выходили на улицу каждый день. В совсем тесных дворах на лавочках всё ещё собирались люди. Там до сих пор налаживался или укреплялся контакт поколений и обсуждались вечные вопросы.

Дети здесь выходили из дома чаще, чем пару раз в неделю. Они находили больше смысла в том, чтобы побродить по давно известным местам, чем сидеть дома за компьютером и телефоном, никуда не выходя.

Прогресс сюда дошёл, но цифровая эпоха мало повлияла на местных жителей. Здесь сильнее традиции, чем интернет-культура. За таким укладом интересно наблюдать со стороны, но сегодня это длилось недолго.

После «путешествия в прошлое» начинались две дороги, которые вели на междугороднюю трассу (она была прямо перед глазами) и завод. На завод нужно ехать вдоль трассы, по насыпи. Да, для этого была отдельная дорога, которая никуда не делась. По ней можно ездить, не боясь встречи с тяжеловозами, их там практически не бывает.

Справа от технической дороги находится раздражающая четырёхполосная трасса, а слева чистое, непаханое поле с редкими деревьями.

– Ненавижу эту трассу! – выкрикнул я.

– А ты смотри налево, – откликнулся Ваня, – только не ходи, Катя не оценит.

– Иди ты! – хором ответили мы с Катей.

Ваня и Костя предпочитают нас подкалывать, представляя себе, что я и Катя – пара. А всё потому, что мы однажды поцеловались экспериментари ради.

Оба парня пытались вести себя так, словно вообще никак не симпатизировали единственной девушке в нашей компании и она им на фиг не нужна. Но мы-то знаем про открытки Вани пару лет назад, про частые букетики цветов с чьих-то клумб от Костяна и «холодную войну» на этом фронте между ними. Им легче меня с ней представить, чем себя, к сожалению.

Брошенный завод был небольшим. Когда мне впервые рассказывали о нём, я думал, что

он огромный и страшный, а в его глубинах можно найти нечто ужасное, как в фильмах про такие места... Но нет, всё не так, совсем не так.

Большое, но невысокое трёхэтажное здание сложили из красного кирпича. На втором этаже были широкие окна из квадратных секторов, их давно выбили. Теперь солнце через них рисовало острые тени внутри больших цехов. По этим цехам гуляли дети разных возрастов, которых было слышно ещё на подъезде. Для детей это место – невероятные декорации для прятков и разных игр. Сюда даже под запретом едут на велосипедах и проводят кучу времени. Так что не стоит думать, что мы одни такие «экстремалы».

Городские власти отчаянно пытались закрыть тут всё, но не получилось. Снести наверняка не могут, потому что денег нет и, вероятно, не будет.

Внутри здания нас встретила орава детей, лет по десять. Они неслись с палками, но не на нас, а на тех, кто был позади. Дети что-то прокричали про «сдавайтесь, вы окружены» и с улюлюканьем унеслись куда подальше.

Костя нашёлся в глубине здания, он гулял по цехам и рассматривал граффити, которым было, наверное, немало лет.

Надписи, и рисунки, и послания, которые вряд ли видел адресат, – всё это было здесь. Всем кажется, что эти граффити – просто попытка нагадить. Но на самом деле это след, след про себя для себя или кого-то другого, след, который кто-то увидит, а это важно – вот что такое граффити.

– Привет! – поздоровался я, словно мы не виделись сегодня.

– Хай, – сухо бросил приятель, взбалтывая в руке баллончик с краской.

– Откуда он у тебя? – спросил Ваня, подходя к Косте. Ваня взял у него баллончик, рассмотрел и вернул.

– У мелких отобрал, чтоб ерундой не маялись, – ответил парень.

– А сам что будешь делать с ним? – спросила Катя.

Она стояла у стены и смотрела на какой-то пёстрый рисунок. Подойдя ближе, я удивился: кто-то очень искусно нарисовал морду Чеширского Кота. Подруга достала телефон и со вспышкой сфотографировала шикарный рисунок. Окна были далековато, а для хорошего фото нужно много света.

Костя встряхнул краску и спросил:

– Что рисуем?

– Художники пишут, а не рисуют! – поправила Катя.

– Пикассо местного разлива! – посмеялся я, но потом тоже спросил: – Так что?

И Костя начал писать, ничего не отвечая. Буква за буквой выводилась, и каждый из нас следил за этим с трепетом и думал, что получится. Краска была белой, она перекрывала всё, что было ниже, бросаясь в глаза.

«Здесь были Курортные» – вот что он написал.

– Прикиньте, если мы через год приедем, а надпись будет? – он оглянулся, смотря на нас горящими глазами.

– Посмотрим, – спокойно ответил я.

– Мы в истории! – закричала Катя.

– Не орите, блин... – Ваня, как всегда, был против шума.

По цехам мы рыскали в приподнятом настроении. Повсюду был разбросан мусор (его сюда приносили «гости»), под слоем пыли остались обломки какой-то мебели и килограммы битого стекла. Была даже лестница на второй этаж, разделённый на небольшие комнаты. На втором этаже нам снова встретились дети, но они очень быстро ретировались, словно мы несли какую-то угрозу или нарушали их «таинство»... Нам было не до них.

Среди не самого чистого воздуха, мрачной атмосферы, мусора и грязи я ощущал себя ребёнком. Сюда не следовало идти, но азартное ощущение нарушенных правил только подстёгивало меня их нарушать.

Катя вовсю веселилась с баллончиком, собрав вокруг себя ораву «мелких» и разрисовывая стены непристойностями, поддерживаемая гулом и смехом. Костя тоже участвовал в этом процессе. Ваня ходил и фотографировал «очень атмосферное» место, я помогал ему выбирать лучшие кадры.

Помню, как мы приехали одним летом, а в его руки попал цифровой фотоаппарат – вся память его была забита уже через неделю. Мы потом всей компанией сидели и отбирали лучшие фотографии. Некоторые из них даже попали в семейный фотоальбом, хотя там не было людей, это просто был окружающий мир.

Когда баллончик был использован, лучшие кадры отсняты, а дети разошлись, «курортные»

тоже решили пойти по домам. Солнце скоро должно было зайти, мы явно провели на заводе больше времени, чем планировали. Кате с Ваней уже звонили родители, которые всегда за них очень переживали. У них двоих даже телефон появился быстрее, чем у меня и Кости.

Путь назад был обыденным, я уже ни на что не обращал внимания, просто переваривая всё, что было пережито за день. Ещё пару дней назад я парился в плацкарте, обсуждая с пенсионером последние новости и отстаивая ценности своего поколения, а уже сегодня я провёл, безусловно, один из лучших дней начавшегося лета.

Солнце уже не пыталось испепелить всё вокруг, так что люди постепенно выползали из своих домов и гуляли по улицам. Все хотели отдохнуть и получить удовольствие от лета, а не только дискомфорт от жары. Если днём мы были одни на велосипедах, то сейчас существовала опасность с кем-то столкнуться. Нам пришлось уйти на проезжую часть, соблюдая все правила.

Обязательный «обряд» после прогулок состоял из сопровождения каждого из нас до дома. Обычно я всегда был последним и шёл домой один. Ничего не имею против этого, ведь если тот же Ваня после весёлого и энергичного дня будет тащиться домой в одиночестве, ему будет грустно, а вот если буду идти в одиночестве я – мне будет всё равно. Всё равно, потому что мне будет о чём подумать и чем заняться по пути домой.

Подъехав к дому Кати, мы позволили ей обнять каждого из нас, подождали, пока дверь подъезда за ней захлопнется, и двинулись с места. Однажды подруга повредила ногу на одной из прогулок и мы две недели гуляли только в её дворе – за это время я и полюбил его за тишину

и домашнюю атмосферу развешенного на верёвках белья.

У Вани всё, наоборот, вгоняло в какую-то тоску... Тоску по нормальному асфальту и лавочкам у подъездов, потому что ни того, ни другого здесь не было. В остальном это был обычный квадратный двор, окружённый панельными многоэтажками. Бросив сухое «пока», он ушёл, а мы с Костяном не стали дожидаться, пока он скроется из виду, и очень быстро скрылись сами.

Район Кости был благополучнее, чем тот, через который мы проезжали днём. Здесь дома были разных размеров и этажности, за всем ухаживали, «тут всё цветёт и пахнет», как говорит отец Кости. В лучах закатного солнца дома выглядели особенно красиво. По дороге нам встретилась бабушка, которая вела козу, здесь вообще почти у всех живность, словно ты приезжаешь в деревню.

Дом у Кости был добротный, двухэтажный, построенный ещё его дедушкой, который до сих пор в этом доме живёт. Я никогда не жалел о том, что провожал его, потому что мне всегда приятно было увидеть кого-то из его родных и поболтать с ними, но сегодня такого случая не представилось.

Стоя у невысокого штакетного забора, я смотрел на то, как друг завёл велосипед в ограду и поставил его рядом с домом, потом Костя пошёл ко мне, чтобы попрощаться.

– Ну давай, до завтра! – с этими словами он крепко пожал мне руку.

– Пока, – я помахал рукой, уже собрался тронуться с места, но меня вдруг остановили:

– Круто, что ты приехал, ты ж не хотел...

– Я ошибался, – улыбнувшись, ответил я. – До завтра.

– До завтра.